

Глава 31. Блистательный вечер

В ту ночь Янь Шань был непривычно ласков.

Казалось, он уже на пределе, но всё равно не отпускал, требуя ещё, — и это стало для Лу Цунбая настоящим испытанием на прочность.

Лишь глубокой ночью они, сплетясь в объятиях, наконец провалились в тяжёлый, беспробудный сон.

Возможно, под впечатлением от вечерних откровений Лу Цунбаю впервые за долгое время приснились школьные годы.

В этом сне он родился в достатке: в его доме всегда были игровые приставки и столько соевого молока, сколько душе угодно. Родители окружали его заботой, а бабушка оставалась такой же доброй и ласковой, как в жизни.

Там он любил юношу по имени Янь Шань. Любил долго и преданно, пока наконец не решился признаться. Тот ответил взаимностью — легко и радостно. В их совместной жизни не было места горечи, лишь безмятежное счастье.

Ни стыда, ни неловкости — только безупречная чистота момента.

Лу Цунбай крепче прижал к себе Янь Шаня и проснулся на рассвете, когда первые лучи солнца едва коснулись горизонта.

Открыв глаза, он посмотрел на спящего в его объятиях мужчину. В этой беззащитной позе, в спокойном дыхании Янь Шаня он нашёл то, чего ему так не хватало: умиротворение и полноту жизни.

Это был он. Единственный.

Только рядом с ним бури в душе Лу Цунбая стихали. Только Янь Шань мог подарить ему это почти забытое чувство подлинного счастья.

Он был уникален.

Лу Цунбай мягко улыбнулся. Он запечатлел на губах любимого невесомый утренний поцелуй и, стараясь не шуметь, выбрался из постели. Янь Шань, вконец измотанный ночными ласками, спал мертвецким сном, так что можно было не опасаться его внезапного пробуждения.

На цыпочках выйдя из спальни, Лу аккуратно притворил дверь.

Утренний воздух бодрил прохладой. Накинув на плечи домашнюю одежду, он налил себе стакан горячей воды, взял телефон и вышел на балкон.

Пока шли гудки, он лениво наблюдал за тем, как в здание Четвёртой средней школы напротив начинают стекаться ученики. Они шли группками, полные сил и надежд, и Лу почувствовал мимолётную ностальгию.

Молодость — прекрасная пора.

Наконец на том конце ответили. Голос Вэнь Чжаочжао звучал крайне раздражённо:

— Лу Цунбай, какого чёрта ты звонишь в такую рань?

— У тебя найдётся время? — без лишних предисловий спросил он.

— Я занята, собираю ребёнка в школу. Ты ради этого меня разбудил? — судя по шуму, Чжаочжао была на взводе, вероятно, из-за проделок собственного чада.

На мгновение связь приглушилась — она явно переключилась на выговор мужу, — но вскоре её голос снова зазвучал в трубке:

— Что-то срочное? Я скоро буду в офисе, там и разберёмся.

Лу Цунбай достал из кармана сигарету и, не прикуривая, принялся крутить её между пальцами.

— Мне нужно, чтобы ты кое-кого проверила, — задумчиво произнёс он.

— Для таких пустяков у тебя есть целый штат помощников, не так ли? — в голосе Вэнь Чжаочжао скользнуло сомнение. — Зачем палить из пушки по воробьям?

Лу проигнорировал сарказм.

— Это касается Янь Шаня.

На том конце воцарилось молчание. Спустя пару секунд тон собеседницы мгновенно переменялся:

— Поняла. Кто это? Где и когда появился?

— Один из слушателей, который задал вопрос на вчерашней лекции. Подробности секретарь уже отправила тебе на почту. Дело срочное, результат нужен к вечеру.

— Думаю, с твоими связями на это не уйдёт и дня, — бесстрастно добавил Лу Цунбай.

Он продолжал вертеть сигарету, словно ручку, — жест, выдающий глубокую сосредоточенность за маской внешней небрежности.

— Что делать, когда найду? — уточнила Чжаочжао.

— Если это конкуренты — устрани проблему.

— Ясно.

Она замолчала, словно хотела что-то добавить, но замялась.

— Ладно... Просто не сходи с ума, держи себя в руках.

С этими словами Вэнь Чжаочжао повесила трубку.

Лу Цунбай ещё какое-то время постоял на балконе, глядя на школу и перекатывая сигарету в пальцах.

Затем, убрав телефон, он вернулся в дом.

— Я совершенно не вписываюсь в формат подобных вечеринок. Там соберутся акулы бизнеса, финансовые гении... Что мне, художнику, среди них делать? — уныло ворчал Янь Шань, помешивая ложкой соевое молоко.

Он зевнул, ощущая в пояснице и ниже тупую ноющую боль.

«Доигрались вчера. Нужно уметь вовремя остановиться», — подумал он, невольно поморщившись и устраиваясь на стуле поудобнее.

Лу Цунбай поставил перед ним тарелку с лёгким салатом.

— Твоя студия — часть корпорации. Как её руководитель, ты имеешь полное право там присутствовать. Это абсолютно уместно.

— Можно я просто останусь твоим верным и незаметным сотрудником? — с надеждой спросил Янь Шань. — У меня социальная тревожность. Просто чудовищная. Там же будет человек сто, не меньше? Стоит мне представить такую толпу, как кожа покрывается мурашками.

Он обхватил себя руками и картинно вздрогнул, изображая искренний ужас.

Лу Цунбай поставил рядом с ним стакан медовой воды и сел напротив со своим завтраком.

— В основном там будут наши люди. С твоими делами они никак не пересекаются, так что волноваться не о чем. Просто расслабься. Там будет отличная кухня и напитки.

Лу неспешно подул на горячую кашу и снова взглянул на партнёра:

— В университете ты был душой компании. Неужели правда не пойдёшь? Подумай ещё раз.

Янь Шань решительно мотнул головой:

— Ни за что. Что бы ты ни сказал — я остаюсь дома.

Лу отложил ложку и с грустным видом уставился в тарелку.

— Жаль. Все топ-менеджеры придут с семьями. Я тоже хотел привести своего близкого человека.

Янь Шань продержался ещё секунду, но крепость пала.

— Ладно... Во сколько это начинается? Когда нам нужно выходить?

— Не спеши, — Лу Цунбай заметно повеселел. — Днём мне нужно уладить пару дел. Ближе к началу вечера за тобой заедет мой ассистент.

— Хорошо, — вздохнул Янь Шань. — Дай мне только время привести себя в порядок.

Его неприязнь к подобным раутам имела под собой почву.

Янь Шань до сих пор помнил тот день, когда Лу Цунбая назначили руководителем департамента. Тот стоял на сцене с приказом в руках и произносил речь.

В тот момент весь свет софитов был направлен только на Лу. Внизу стояла огромная толпа. И те, кто его поддерживал, и те, кто ненавидел, смотрели на него с невольным восхищением и жгучей завистью.

Стоя на самой периферии этой толпы и радостно аплодируя, Янь Шань внезапно осознал: он бесконечно далёк даже от тех, кто стоит внизу.

Любой из них мог приносить компании миллионы, управлять огромными потоками капитала. А он был лишь рядовым трудягой, чьё вознаграждение порой зависело от капризов очередного заказчика.

Мир капитала и мир наёмного труда никогда не были по-настоящему едины.

Размышляя об этом с некоторой горечью, Янь Шань ломал голову над тем, как достойно выполнить просьбу Лу.

«Если я явлюсь туда в чём попало, — думал он, — все решат, что Лу Цунбай держит дома какую-то замарашку, не выдавшую света».

Нужно было соответствовать. Взять себя в руки. Стать тем «близким человеком», на которого не стыдно обернуться.

С трудом прогнав остатки сна, Янь Шань поплёлся в ванную. Умывшись, он наконец-то приструнил копну растрёпанных волос.

В спальне он извлёк из чемодана строгий костюм, рубашку, зажимы и запонки. Костюм он предварительно повесил в шкаф, чтобы тот пропитался ароматом дорогого парфюма.

Заметив на тумбочке вчерашний подарок — те самые часы, — Янь Шань, помедлив, застегнул их на запястье.

Обретя наконец более или менее презентабельный вид, он присел на край дивана и погрузился в телефон, ожидая приезда за ним.

Когда Лу Цунбай вошёл в комнату, он замер на пороге. Возле дивана сидел мужчина, чья аристократическая сдержанность и холодная красота ослепляли. Бледная, словно лунный свет, кожа, безупречный профиль... Опершись подбородком на руку, незнакомец скучающим жестом листал ленту новостей.

Услышав шаги, Янь Шань лениво поднял взгляд:

— Ты что-то долго.

— Простите... Красавец, вы кто? — выдавил Лу.

— Перестань, — фыркнул Янь Шань, хотя в глазах его промелькнуло смущение. — Не смотри на меня так, мне не по себе.

Когда они спускались к машине, ассистенты в чёрных костюмах тоже вытаращились на Янь Шаня с нескрываемым изумлением.

Чёрный лакированный седан у подъезда привлекал внимание прохожих. Лу Цунбай почтительно открыл дверцу, усаживая своего спутника, словно драгоценную реликвию.

Янь Шань расстегнул пуговицу пиджака и сел в салон. Лу занял место рядом.

Чувствуя на себе постоянные взгляды, художник не выдержал:

— Да что с тобой? Ты ведёшь себя странно.

— Просто... — Лу Цунбай осторожно подбирал слова. — Я давно не видел тебя таким официальным. Обычно ты предпочитаешь свободный стиль.

— И что? Выгляжу плохо? — Янь Шань с сомнением осмотрел свой наряд.

Лу взял его за руку и сглотнул.

— Напротив. Слишком хорошо.

В душе бизнесмена уже поднималась волна тревоги. Его «малыш Шань» сегодня сиял так ярко, что невольно хотелось спрятать его от чужих глаз.

— Правда? — не унимался Янь Шань. — Насколько хорошо?

— Настолько, что мне хочется запереть тебя в золотой клетке и никому не показывать.

Это прозвучало убедительно. Янь Шань наконец немного успокоился.

Приём проходил в отеле-курорте с горячими источниками, принадлежащем одной из дочерних компаний. Территория в четыреста гектаров включала в себя огромное озеро и искусно подстриженный сад-лабиринт.

Сердцем отеля был открытый двор с термальными источниками, окружённый экзотическими растениями. За ними располагались уединённые номера в японском стиле — с татами и мягкими футонами, скрытые в глубине деревянных галерей. Эти комнаты с отдельными купальнями предназначались только для особых гостей.

Банкетный зал находился в конце длинного коридора. Кухня, укомплектованная по стандартам международных кинофестивалей, ломилась от изысканных блюд и редких вин.

План Янь Шаня на этот вечер был прост: не отвечивать, держаться рядом с Лу Цунбаем и играть роль вежливой декорации. Главное, чтобы к нему никто не приставал — он терпеть не мог фальшивых светских улыбок.

Однако стоило Лу Цунбаю ввести его в зал, крепко сжимая его ладонь, как разговоры на мгновение стихли. Все взгляды обратились к ним.

Они были совершенно разными, но дополняли друг друга идеально. Один — резкий, властный, уверенный в себе лидер; второй — утончённый, отрешённый от мирской суеты эстет с твёрдым взглядом.

Идеальная пара, в которой внешняя мягкость скрывала стальной стержень, а внешняя жёсткость — нежную душу.

К ним тут же хлынула толпа желающих засвидетельствовать почтение президенту. Но Лу Цунбай одним решительным жестом пресёк все попытки завязать разговор и увлёк Янь Шаня на второй этаж, в VIP-комнату.

— Боже, сколько людей... У меня руки дрожат, — выдохнул художник.

В комнату вошли двое ассистентов. Приняв пальто Лу, один из них кратко отчитался о текущих делах.

Выслушав его, Лу Цунбай повернулся к Янь Шаню:

— Шань-шань, сейчас будет фуршет. Мне нужно переговорить с парой руководителей, так что подожди меня у столов. Обязательно поешь что-нибудь, не ходи голодным.

Однако с того момента, как они разошлись, и до самого конца ужина Янь Шань так и остался в одиночестве. Лу Цунбай был безнадежно занят.

Зал сиял огнями, тёплый свет отражался на лицах безупречно одетых гостей, создавая атмосферу изысканного благополучия.

Все бродили с бокалами вина или коктейлей, вовлечённые в бесконечный процесс нетворкинга.

Янь Шань, стараясь быть незаметным, быстро пробрался к своему месту. Он попросил официанта принести порцию пасты с креветками, тарелку суши и стакан ледяного чая с двойным сахаром.

Забившись в самый дальний угол, он принялся за еду, меланхолично наблюдая за происходящим.

«Надо же, как всё пафосно. Все такие важные...»

Рядом с ним бесшумно вырос помощник в чёрном костюме. Постояв немного, он негромко обратился к Янь Шаню:

— Учитель, уже двое господ выразили желание пообщаться с вами. Согласно указаниям господина Лу, если вы не настроены на общение, я вежливо им откажу. Желаете ли вы с кем-то поговорить?

Янь Шань проглотил кусочек суши и вытер губы салфеткой.

— Нет, спасибо. Продолжайте в том же духе. Но... если появится кто-то из старых знакомых, я не против перекинуться парой слов.

— Как пожелаете, — вежливо склонил голову помощник.

Прошло немало времени, а Лу Цунбай всё не возвращался.

Янь Шань успел основательно подкрепиться. Взглянув вдаль, он увидел Лу у самого входа — тот оживлённо беседовал с очередной группой людей, которые сменяли друг друга бесконечным потоком.

Рабочий график президента не знал пощады даже на банкете.

Янь Шань почувствовал укол досады.

Взяв стакан с соком, он отошёл к колонне у входа в основной зал и, прислонившись к стене, принялся наблюдать за толпой.

Здесь было тихо, и свет падал так, что он оставался в тени.

Он даже жестом попросил ассистента отойти подальше, чтобы не привлекать лишнего внимания своей «охраной».

— Простите за беспокойство. Вы ведь Учитель Шань Фэн, господин Янь Шань?

Янь Шань невольно нахмурился. Обернувшись, он сухо отрезал:

— Прошу прощения, я сейчас не расположен к беседе. Если у вас есть ко мне дело, обратитесь к моему ассистенту.

Собеседник, однако, не спешил уходить.

— Нет-нет, мне нужны именно вы, господин Янь. Я пришёл предложить вам сотрудничество.

Янь Шань с сомнением оглядел незнакомца.

Перед ним стоял мужчина с чертами метиса и карими глазами, прозрачными, словно горный ручей. Он был удивительно красив: высокий прямой нос, глубоко посаженные глаза и едва заметная, словно застывшая на губах, улыбка.

— Позвольте представиться, — вежливо произнёс он. — Гу Линьсуй, продюсер Shunhua Entertainment. Я занимаюсь адаптацией романов и маньхуа. Слышал, что вы будете здесь сегодня, и с нетерпением ждал возможности поговорить.

— Вы, должно быть, знаете, что я не занимаюсь вопросами экранизации своих работ, — ответил Янь Шань. — Для этого у меня есть студия, свяжитесь с ними напрямую, там вам всё объяснят.

Гу Линьсуй покачал головой.

— Нет, Учитель. Для этого проекта нам нужны именно вы. Мой босс настаивает: только если вы станете сценаристом, картина будет завершённой. Ваше участие — обязательное условие. Мы не преследуем никакой финансовой выгоды. Наше единственное требование: ваше содействие в качестве сценариста на протяжении всего съёмочного процесса.

«Странный подход», — подумал Янь Шань. Таких заказчиков он ещё не встречал.

— Какую именно работу вы хотите адаптировать?

Гу Линьсуй мягко улыбнулся:

— «Бог в глубоком море». Ту самую, которую вы так и не закончили.

Янь Шань мгновенно окаменел.

Спустя долгую паузу он отвёл взгляд и покачал головой:

— Прошу прощения, но я уже делал официальное заявление. Права на это произведение принадлежат другой студии. Я не имею права ни продолжать его, ни адаптировать. Более того, начиная со сто тридцать седьмой главы, сюжет окончательно свернул не туда. Финал безнадежно испорчен, и я не в силах это исправить.

— Нам и не нужна та версия, — возразил Гу Линьсуй. — Мы хотим, чтобы вы перерисовали эту историю заново. Так, как она должна была развиваться изначально. Мы уже выкупили все права. Теперь вы вольны творить без всяких ограничений.

Янь Шань нахмурился, не скрывая подозрения:

— Не понимаю. Зачем вам это?

Кто в здравом уме станет вкладывать огромные деньги в проект, который когда-то провалился из-за затянутого сюжета и чужих правок, не рассчитывая при этом на прибыль?

— Лично мне это ни к чему, — улыбнулся продюсер. — Это воля моего босса. Я лишь исполняю его поручение.

— Кто ваш босс? Мы знакомы?

— Его зовут Шэнь Линь. Возможно, это имя вам о чём-то говорит.

Янь Шань замер.

— По определённым причинам он не смог прийти лично, — продолжал Гу Линьсуй. — Если вы согласитесь, я буду представлять его интересы во всех дальнейших переговорах.

Он изящным жестом достал откуда-то нежно-белую камелию и протянул её художнику.

Янь Шань в замешательстве потянулся было за цветком, но Гу Линьсуй перехватил инициативу и осторожно вставил камелию в нагрудный карман его пиджака, после чего бережно поправил ему воротник.

— Это привет от моего босса, — негромко произнёс продюсер. — Он просил передать, что его намерения предельно искренни. Вам не о чем беспокоиться, этот проект не принесёт вам ничего, кроме пользы. Он желает вам мира и крепкого здоровья.

Гу Линьсуй протянул Янь Шаню визитку. На матово-чёрном картоне серебряным тиснением был выведен лишь один иероглиф — «Шэнь». На обороте значился номер телефона.

Янь Шань долго молчал, прежде чем задать главный вопрос:

— Кто такой этот Шэнь Линь? На самом деле?

Ответ Гу Линьсуя прозвучал многозначительно:

— Человек, который заботится о вас больше всех на свете.

<http://bllate.org/book/17575/1713970>